

ПРЕДИСЛОВИЕ К МНОГОТОМНОМУ ИЗДАНИЮ «УЧЕНИЕ ГЕОРГИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО»

Перед вами главный проект моей жизни — издание Учения Г. П. Щедровицкого. Ничего более существенного и полезного для людей я сделать не в силах.

Идея издания появилась с момента смерти Георгия Петровича в 1994 году. Появились отдельные книги. Их вышло около двадцати. Но это не было целым. А целое замысливалось то в хронологическом подходе, то в тематическом, собирались деньги, работы начинались и останавливались, при этом публикация Учения становилась, на мой взгляд, все более актуальной задачей.

В начале 2021 года я понял совершенно отчетливо, что человек не вечен и, если не начать, все может расплзтись и исчезнуть. Единственным утешением могла оказаться только та работа по архиву Георгия Петровича, которая была проделана в последние годы. Этот архив собран, оцифрован и с ним удобно работать*.

В этот раз составители предложили вместо хронологии и тематической логики логику подхода. И мне, после некоторых размышлений, эта идея показалась правильной. То ли потому, что я являюсь адептом СМД-подхода (системомыследеятельностного), то ли потому, что, будучи управленцем, понимаю, что самое главное, что подлжит трансляции в нашей среде, — это подход, то есть набор способов, инструментов интеллектуальной работы, которые позволяют нам мыслить мир, деятельность и мыследеятельность, участниками которой мы являемся.

Несмотря на политический флер, который в последнее время окружает Учение, когда разным как бы методологам приписывают серьезное политическое влияние на происходящее в России, я должен сказать, что «методологи» не оказали никакого, повторяю, никакого влияния на политические реалии.

* <https://www.fondgp.ru/projects/archive/>

При распространении Учение может кардинально поменять картину мира и, следовательно, мир как таковой. Но этот процесс займет как минимум сотню, а то и две сотни лет (хотя сетевые эффекты могут ускорять такие процессы).

Это не означает, что адепты Учения асоциальны. Нет, как люди они могут действовать: как управленцы — управлять, как образователи — учить, растить людей, способных меняться.

Люди живут лишь мгновение, большинству попытка присоединиться к Великому и в нем существовать не нужна, ибо последствия зачастую неспоставимы с жизнью.

Жизнь апостолов, проповедников христианства — тому подтверждение. Только одному из них удалось умереть своей смертью — остальные были уничтожены людьми с предельной жестокостью. Но никто из них, несмотря на отсутствие интернета в то время, не исчез.

Это сравнение может показаться вычурным, но для меня оно житейское: если у тебя появилась идеология, то есть набор идей, которые после критического осмысления ты себе присвоил, превратив в подход, то они тобой движут, и ничего с этим не поделаешь.

Подход — это не концепции, это идеи и инструменты, реализуемые в живом мышлении, деятельности, коммуникации, мыследеятельности. Отдельные конкретные концепции могут быть ошибочными или неполными, а подход будет оставаться актуальным. Посмотрите на историю философии — там беспрерывно ошибались всю ее историю, но это, к счастью, не мешает человечеству философствовать.

Методология — это Учение, оно предполагает человека в деятельности, то есть человека, который постоянно практикует это Учение. А как только перестает практиковать, Учение исчезает.

Самое трудное — передать читателю Учение как подход. Поэтому мы решили, что предисловие должно состоять из живого текста тех, кто работал и продолжает работать в школе Щедровицкого, использует и развивает это Учение. Они ответили на вопрос: «Зачем это Учение нужно и что я делаю с ним?»

Но начнем мы с ответа на этот вопрос самого Георгия Петровича Щедровицкого.

Георгий Петрович Щедровицкий, основал методологическую школу в 1954 году

Фрагмент стенограммы лекции во Владивостоке (1989 г.)

Итак, я представляю одно из методологических направлений, развивающихся в нашей стране, так называемую системомыследеятельностную методологию.

И первое, что я должен здесь сказать искренне и откровенно, это то, что методология является организованностью антинаучной по своей устремленности, поскольку исходит из представления, что эпоха господства науки уже кончилась, науки больше нет, поскольку она умерла, и все, что бродит здесь, по коридорам вашего университета и разных НИИ в разных городах страны, во всех без исключения, есть скорлупки...

Это трупики, которые пытаются делать вид, что они живут. И дело не в том, что люди плохие или хорошие, а дело в том, что наука умерла как социальный институт. Но не в том смысле она умерла, что ей вообще делать нечего. Нет, она будет существовать еще очень долго, решать свои задачки без конца и края, поскольку их очень много и границ науки нет, но это не то, что нужно для жизни.

И поэтому мое представление таково, что в конце XX века формируется совершенно новый тип и в этом смысле новый социальный институт, который называется методология. Он приходит на смену науке в одной из основных функций, которые наука выполняла последние 200 лет, скажем так осторожно, — задавать крышу для всей системы мышления, быть объемлющей формой, синтезирующей знания разного рода и деятельность разного рода. Вот эту функцию наука уже больше не может выполнять. Отчасти потому, что она не связана теперь с философией, во многом потому, что она выполняет функции ретроградные и консервирующие: сдерживать и не пущать. И надо сказать, что советская власть использует эту функцию науки на полную катушку.

Сейчас, по моему убеждению, в нашей стране нет более реакционной силы, нежели наука, и думаю, что не только сейчас, я думаю, что это последние 100 лет уже всюду проявляется не только в нашей стране, но и во всех других. И происходит все это во внутренних структурах научного мышления и научной деятельности.

И на смену ей приходит другая форма организации мышления и деятельности, с самого начала ориентированная на практику и практические результаты, то есть фактически форма мышления, захватывающая и организующая все формы человеческого действия, ориентированная исходно на внедрение или практические приложения, но одновременно освобождающая теоретическую часть науки от непосредственной замкнутости на практику, поскольку складывается такой дополнительный метаслой, который и обеспечивает связь научных теоретических исследований с практикой. Причем способы практического использования научных знаний обсуждаются до разработки самой науки.

И вот эта новая форма методологии, или новая форма организации мышления и деятельности, формируется в конце XX века и, как мне представляется, будет основной формой человеческого мышления в XXI–XXII и ближайшие века, пока не будет вытеснена другой, следующей за ней в этом историческом контексте формой организации человеческого мышления и деятельности.

Вот тут я выдохну и спрашиваю, кто, коллеги, не согласен и хочет возразить или что-то спросить?

Студент. Я хочу сказать, что ничего нового здесь нет.

Г. П. Щедровицкий. Отлично, я рад, что приехал в ваш город, это мой первый приезд, и, что бы я ни говорил, мне каждый раз говорят, что говорю я давно известные банальности. Мне очень приятно, но я думаю, что вы недаром есть окно в мир, восточное окно страны.

Я понял ваши замечания, я бы хотел, чтобы эта квалификация осталась до конца. Я больше боюсь, что я с вами разойдусь, чем то, что вы меня примете.

Студент. Использование науки как реакционной силы — это характерно для любого отстающего строя? Или только для нашего? Советского? Это специально используется как реакционная сила?

Г. П. Щедровицкий. Все очень здорово, коллеги, но, по моему, такого отстающего строя еще никогда раньше не было. По моему глубокому убеждению, социализм есть особая форма феодальной организации, причем раннефеодальной. И в этом смысле мы вернулись, но я не знаю, к какому веку? К VIII веку или к XII, тут могут быть споры, но во всяком случае мы отлетели лет на семьсот-восемьсот от всего остального человечества в этой исторической хронологии. Но я думаю, что нельзя сказать «всякого», понимаете! Все то, что делается у нас, есть вещь, с моей точки зрения, совершенно специфичная и неповторимая. Поскольку мы с вами первыми произвели социалистический переворот, построили социализм и сейчас переживаем первую в истории человечества антисоциалистическую революцию.

Студент. Такого нет, ее развитие все равно приведет к тупику.

Г. П. Щедровицкий. Я вас, с одной стороны, понимаю, но, с другой стороны, мы первыми все это проходим. И дальше я напомним эту фразу Александра Зиновьева: «Чего они там гордятся? Советский Союз сегодня показывает дорогу всему человечеству». Поэтому и Англия, и Западная Германия еще через 2–3 десятка лет пойдут тем же путем.

Студент. Вы говорите, что методология — это некая отрасль знаний, которая имеет такую мощную прагматичную...

Г. П. Щедровицкий. Прежде всего не отрасль знаний, есть нечто другое, я поэтому употребил другие слова. Есть новая форма организации мышления и деятельности.

Студент. Вы говорите о мощной прагматичной направленности, вы говорите, что методология приходит на смену науке.

И может быть, когда наука была оторвана от практики, она развивалась как научное знание. Это с одной стороны, а с другой стороны, мне очень не нравится, что вы науку и методологию ставите как оторванные от других знаний, ну, скажем, от того же искусства, с неким знаком качества. Наука и методология — это знания с высшим знаком качества, а все остальное — там, религия и т. д. — это все дерьмо!

Г. П. Щедровицкий. Я вас понял. Главное, мне нравятся ваши слова. Итак, я не ставлю никакого знака качества сравнительно с религией, искусством и т. д. Я — методолог, а следовательно, самый терпимый человек из всех людей. Я должен видеть и понимать все и разное, и принцип у меня каждый раз такой: а вот, оказывается, и такое еще бывает, все так интересно!

Я в этом смысле как ботаник: цветочек новый нашел и его в клеточку записал. Поэтому всего этого нет, хотя я понимаю, что я мог создать такое ложное впечатление, но подчеркиваю — у меня этого нет! Я абсолютно терпим и ставлю все в один бесконечный ряд; такое тоже бывает. Но дальше я обсуждаю то, что меня занимает, и то, что задает области, в которых я работаю.

Я формировался как научник, человек с соответствующей сциентистской идеологией. И первые идеи методологии формировались как идеи наук особого типа. Потом выяснилось, что это ошибка. Это был тот переходный этап, когда мы работали в старых категориях и считали, что наука — это очень здорово, и вроде методологию надо строить как науку, но в соответствии с гегелевским принципом, воспринятым дальше Марксом и описанным Лениным в известных работах.

Вот с этого мы начинали. И в ходе своей дальнейшей работы вынуждены были отказаться, как от ошибочного и ложного.

И в этом месте я обсуждаю очень интересный поворот: я изменяю исторический подход, рассматриваю науку не как навечно заданный коридор, по которому можно двигаться, а рассматриваю как особую историческую форму, исторически преходящую форму организации мышления и деятельности, подчеркиваю этот момент, мышления и деятельности, а не знаний! Но дальше я начинаю обсуждать момент знаний.

И когда я характеризую особенности методологического мышления и деятельности, я говорю, что если начинать с плана знаний, то вроде бы там, в методологии, все начинается с обсуждения возможных способов употребления имеющихся или полученных знаний.

И здесь эта позиция употребления или задействования, включение в мышление и деятельность является определяющей. И по этому параметру я сопоставляю науку и методологию.

И я могу здесь шаг следующий сделать, отвечая вам, и зафиксировать это как жесткую оппозицию. А именно: наука тоже есть особая форма организации мышления и деятельности, хотя обычно наука себя осознает и определяет иначе, она начинается со знаний, получения знаний и употребления знаний, оценок знаний на истинность и многое что другое.

А я в этом месте говорю, опять же используя ваше слово, хотя меня предупреждали, что слов этих не надо в университете говорить, они могут быть поняты и восприняты неправильно, но вроде бы этот вопрос употребления знаний — это все есть дерьмо, как вы сказали.

А нужно организовывать мышление и деятельность, то есть творческие потенции людей, реализующиеся в мышлении и деятельности, и искать формы их организации в системной парадигме. И про это я говорю свою точку зрения в этих двух пунктах.

Итак, я не считаю, что наука или методология — что-то особое, исключительное. Наоборот, я говорю, что наука — это просто есть дерьмо давно умершее. А что касается методологии — от нас зависит. Поскольку она, методология, будет такой, какой мы ее сделаем. И надо обсудить вопрос, какой надо ее сделать.

Николай Андрейченко, в школе с 1982 года

В 50-е годы прошлого века одного из китайских лидеров попросили дать оценку Великой французской революции (это был то ли Дэн Сяопин, то ли Чжоу Эньлай, но точно не Мао Цзэдун). И он ответил, что прошло слишком мало времени для того, чтобы можно было дать этому явлению взвешенную оценку. В китайских формах мысли 250 лет — это небольшой срок.

В 2024 году состоится XXX Чтения памяти Георгия Петровича Щедровицкого. Пройдет еще не так много лет, и оказывать воздействие на людей и события будет только Учение — не останется в живых никого, кто с ним участвовал в совместных работах и может о них рассказать. Сегодня на тех, кто еще жив и его помнит, лежит ответственность за формат предъявления этого Учения потомкам. Часть дела сделана — почти весь архив оцифрован, и с ним можно будет работать и через 250, и через 500 лет. Но архив — это не только массив проработанных в ММК идей, и стоит задача опубликовать избранные материалы наследия в формате, передающем не только сами идеи, но и принципы и методы работы Г. П. и созданного им движения.

Формат издания, предложенный Галиной Алексеевной Давыдовой, на мой взгляд, решает эту задачу: наряду с трансляцией корпуса идей, наработанных в СМД-методологии, нужно передать будущим поколениям и форму организации средств мышления, деятельности и способов употребления средств, которые при разработке этих идей и схем были употреблены, то есть подход. Это вроде бы и есть сущность методологии, в которой кроме слоя предметной работы должен быть и слой методов, который организуется и изображается сам по себе (в оппозиции к предметной работе) и может иметь самостоятельное существование, без привязки к конкретным идеям, на основании работы с которыми он был построен.

Применение, употребление, реализация идей и схем (а без реализации какой смысл в их разработке?) может осуществляться в нескольких пространствах: непосредственно в практике, это, так сказать, эмпирическое или техническое употребление схем, в социальном пространстве, в пространстве культуры, в историческом пространстве и в разных их гибридах — социотехническом, социокультурном, культурно-историческом. Назначение и функции одной и той же схемы в этих пространствах могут различаться.

Вопрос реализации идей и применения схем для меня ключевой, в семинарском периоде, когда разрабатывался основной их корпус, я не участвовал, аз есмь продукт игрового периода развития СМД-методологии, периода создания ее собственной социокультурной практики, так как в социальном пространстве СССР ей места не было. Но схема мыследеятельности была построена именно в игровой период, более того, мне кажется, что без ситуации с Марком Мееровичем на одной из игр, о которой так любил рассказывать Георгий Петрович, синтеза, или конфигурации, результатов мыслительного, деятельностного и коммуникационного периодов пришлось бы дожидаться еще долго.

Попал я в методологическое движение неожиданно, познакомившись с Георгием Петровичем в феврале 1982 года на школе-семинаре по деловым играм, где он делал доклад «Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективного мышления и деятельности». Десятидневная школа-семинар проводилась ежегодно во время студенческих каникул, в 1982 году это было в Луге, под Ленинградом. Мне хватило полночи разговора с Г. П. в номере, его доклада об ОДИ на следующий день и участия в апреле того же года в ОДИ-15 в Одессе, для того чтобы резко поменять направление своей активности.

Вместе с Зинченко, Реусом, Крайчинской, Теппером и другими участниками последней команды Г. П. мы разрабатывали и, что важно, реализовывали в семи городах СССР проект Сети методологических лабораторий, из которых предполагалось вырастить учебные

заведения, работающие по лекалам СМД-методологии. Реализовать сумели только в Тольятти (это ТАУ — Тольяттинская академия управления, комплекс из детского сада, школы, вуза и послевузовской подготовки) и в Киеве (это лицей бизнеса «Лекос»).

Я хорошо знаю, что в методологическом сообществе подавляющее большинство считает, что схема мыследеятельности — это схема-принцип, что у этой схемы не может быть прямого (эмпирического) применения, да и с ее онтологическим статусом у многих сомнения. Мой опыт говорит мне обратное, я не представляю, как без этого руководства к действию организовать работу небольшого коллектива (обычно от 100 до 200 человек) студентов разных курсов ТАУ, ее выпускников и сотрудников, членов Методологической школы управления «Пестово», приглашенных мастеров своего дела и пр. Мы организуем по этой схеме продолжительную, сложную, коллективную работу на заданный результат (это перекликается с тем, что делает Василий Богин, организуя работу школьников по трем слоям мыследеятельности и вывода их в рефлексию того, что они сделали и прожили). Мы эту схему тоже не преподаем, лекций про нее не читаем, а я, помня декартовское «Большинство голосов не является доказательством», в дискуссиях в методологическом сообществе по поводу статуса схемы стараюсь не участвовать.

Коллингвуд в своей «Идее истории» утверждал: «История — это история мысли» — и разворачивал идею о том, что исторические события присутствуют в ней как внешние выражения мысли, и я, руководствуясь этим, хочу поделиться своим представлением о месте этой схемы в истории мысли.

Место и роль идей (того, что вечно тождественно самому себе) в человеческой жизни первым зафиксировал Платон в своем сократовском диалоге *Πολιτεία*, переведенном на английский как *Republic*, с термином *city-state* в тексте, на французский как *République*, а на русский как «Государство», и с постоянным использованием этого термина внутри текста.

Πολιτεία Платона признана в мире как корпус идей, оказавших чрезвычайно большое воздействие на последующую философскую, историческую, политическую, научную мысль (и продолжающих оказывать). В седьмой книге диалога Платон устами Сократа, беседующего с Главконом, вводит в знаменитом образе пещеры представление о мире идей как реальности и мире теней как зыбком отражении этой реальности.

Но я хочу выделить для обозначения места идеи мыследеятельности в истории мысли только то, что он чрезвычайно ярко живописал невероятные трудности выхода из мрака повседневности в мире теней в ослепительный мир идей и такую же мучительную сложность

возвращения обратно того, кто в мире идей освоился. При этом Платон считал, что освоившийся в мире идей обязан вернуться в пещеру, чтобы просвещать других.

Эта тема сложнейшего перехода, скорее даже перескока или рывка, из повседневной реальности в идеальную действительность мысли и обратно занимала и волновала мыслящую братию и в античное время, и в катакомбный период христианства, и после его победы, и в «Темные века», и в Возрождении, и в период господства научной картины мира, и в настоящее время.

Например, жившие в катакомбный период, на рубеже второго и третьего веков н. э. Ориген Адамант (Александрия, греческая традиция) и Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (Карфаген, латинская традиция) проделали гигантскую работу по органическому соединению античных философских учений, в первую очередь Платона и Аристотеля, с текстами Священного Писания. У них впервые появляется логически проработанная идея Троицы, сложнейшая идеальная конструкция (понятие и термин «Богочеловек» ввел в оборот Ориген). Эти вольнодумцы не были канонизированы и в отцах церкви не числятся (Ориген через триста лет даже схлопотал анафему от Юстиниана, и из его работ мало что сохранилось), хотя признанные отцы церкви всю пользовались их идеями. Пафос их размышлений базировался на необходимости неминуемого выхода, прыжка человеческой сущности за пределы реального мира, тела, знаний к сущностям божественным, получившим впоследствии имя трансценденций. Эта линия продолжалась потом в «Темные века» и на западе, и на востоке. Боэций, Дунс Скот, Пётр Испанский (будущий Папа Иоанн XXI, автор трактата о логике, учебного пособия для многих поколений), Оккам, Буридан и др., не говоря уже об отцах церкви, куда входят и Исидор Севильский, покровитель интернета, компьютера и компьютерщиков, автор книги «Дифференции, или О подлинном значении слов» (это о различении слов и понятий), и Иоанн Дамаскин, автор «Точно-го изложения православной веры», и Иоанн Златоуст, и пр., и пр.

Если внимательно прорисовать линию: Credo quia absurdum («Верую, ибо абсурдно») Тертуллиана (155–220) — Credo ut intelligam («Верую, чтобы понимать») Августина Аврелия (354–430) — «Понимаю, чтобы верить» Пьера Абеляра (1079–1142) — «Я хочу испытывать раскаяние, а не знать его определение» Фомы Кемпийского (1379–1471) — «Вера не начало, а конец всякой мудрости» Гёте (1749–1832), то за ней явственно проступают трансцендентальные контуры выхода в мысль и возврата в действие. «Как бык для пахоты, конь для бега, а собака для поиска, человек рожден для умопостижения и действий, как некий смертный бог», как считал Аристотель.

Подвели итог этим поискам Кант, поставивший задачу создания трансцендентальной онтологии, и Фихте, поставивший задачу создания трансцендентальной этики. Кант не был немецким философом, он был философом, а вот Гегель, как говорил Воланд, «пожалуй, немец».

И здесь я не могу не процитировать фрагмент последнего публичного обсуждения Георгием Петровичем схемы мыследеятельности (где он, кстати, демонстрирует ее эмпирическое употребление прямо в зале, и это поздний Щедровицкий) в 1989 году во Владивостоке: «В схеме мыследеятельности мимоходом решена проблема, поставленная Иммануилом Кантом, — проблема трансцендентальности мышления, именно трансцендентальности. Тут механизм достаточно прост, можно сказать, что проблем такого уровня Кант поставил две: проблему трансцендентности, т. е. выхода к реальности, к основным гипотезам или допущениям о строении реальности, и проблему трансцендентальности, т. е. перевода идей, мыслей, знаний из формы одной интеллектуальной функции в формы другой интеллектуальной функции, ну, например, с языка восприятий на язык мыслей или что-то в этом роде. <...> в этой схеме мыследеятельности решается задача, поставленная Иммануилом Кантом, о создании трансцендентальной топикки или трансцендентальной онтологии, и вроде бы это даже похоже на правду, во всяком случае так это можно проинтерпретировать».

С нетерпением и надеждой жду появления на свет первых книг, снимаю шляпу перед составителями, я на такой труд пока еще не способен.

Вера Данилова, в школе с 1972 года

Впервые я увидела Г. П. Щедровицкого в 1972 году на дискуссии о предложенном П. Я. Гальпериным предмете психологии. В отличие от остальных участников, которые противопоставляли предложению Гальперина свое представление о предмете психологии, аргументируя это в лучшем случае ссылкой на существующие в психологии традиции, Щедровицкий начал обсуждать вопрос, как вообще должен быть устроен предмет науки и что в связи с этим надо было бы сделать, чтобы дать психологии новый предмет исследования. Выступление поразило меня тем, что задавало новый уровень обсуждения (потом я узнала, что он называется методологическим) и благодаря этому позволяло мне — ученице Гальперина — увидеть новые задачи и направления размышлений в своей области.

После этого я перечитала все тексты Г. П. Щедровицкого, которые нашла в университетской библиотеке, и они совершенно

очаровали меня четкостью и строгостью рассуждения — тем, что я любила в математике и чего мне не хватало в гуманитарных дисциплинах. В конце концов мне удалось попасть на семинары Щедровицкого, сначала на открытый в ЦЭМИ, а потом и на квартирный. Участие в этих семинарах изменило меня, во многом предопределило мои интересы, интеллектуальные возможности и в целом представление о достойной и осмысленной жизни.

Какие важные умения дал мне опыт участия в методологических семинарах и команде Георгия Петровича? Первое — это опыт живого мышления, когда публично, в высоком темпе оформляется проблема и коллективно ищется ее решение.

Несмотря на то что в те годы на факультете психологии было несколько профессиональных семинаров, я практически не встречала там совместного размышления. Участники других семинаров обменивались обычно результатами своих исследований или своими идеями, а семинар Щедровицкого давал возможность участвовать в самом процессе мышления.

Что это мне дало? В отличие от многих моих знакомых я этого не боюсь. Как преподаватель, как участник обсуждений, на которые я иногда попадаю, как фасилитатор, я спокойно встречаю ту ситуацию, где мне надо отвечать на вопрос, ответ на который я не знаю. Я готова публично (надеюсь, что слушая других, по крайней мере стараюсь слушать) этот ответ искать. И в какой-то мере я это умею. В частности, благодаря игротехническому опыту, полученному в команде Георгия Петровича, я примерно понимаю, как можно запустить и поддерживать живое мышление в группе.

Второе, что мне дал этот опыт, — это отрефлексированные средства рассуждения в недопредмеченных или распредмеченных ситуациях и техники такого рассуждения. Это важно, в частности, в междисциплинарных ситуациях, в междисциплинарном обсуждении, но не только. У нас в гуманитаристике мы, как правило, работаем в недопредмеченных ситуациях. Умение удерживать рациональность свою и группы в таких ситуациях — этому меня научил семинар. Я бы говорила о значении семинара для меня как о разновидности современного высшего образования.

К конкретному содержанию схем, идей и тезисов я отношусь более критически. Что-то мне до сих пор нравится, как схема мыслительности, что-то мне абсолютно не нравится. Это содержание исторически конкретно, кое-чему там уже 60–70 лет, оно отвечает на вопросы, актуальные для другого времени и для другой страны. На мой взгляд, главным в семинаре был способ работы. То, что, к сожалению, мы не смогли транслировать, но в какой-то мере его можно

восстановить по текстам. И если отвечать на вопрос, что стоит взять с собой в XXI век, я бы брала в первую очередь это.

На мой взгляд, сложившиеся в методологическом семинаре практики и методы коллективного мышления по-прежнему интересны и, к сожалению, недостаточно проанализированы. В частности, кто сейчас вспоминает о такой замечательной технике рассуждения, как восхождение от абстрактного к конкретному через псевдогенетическое разворачивание схемы. На мой взгляд, совершенно великолепная вещь, не всегда применимая, конечно.

Очень интересна, на мой взгляд, возникшая на семинаре и развитая на организационно-деятельностных играх практика пространственного мышления, то есть «мышления в многих досках». В наиболее известных публикациях оно было редуцировано до работы на двух «досках» (онтологической и оргдеятельностной), но важно, что их могло быть неограниченное количество. Поколение П. Г. Щедровицкого и С. В. Попова работало с четырьмя, пятью, шестью «досками». В плане искусства мышления здесь и сейчас — это тоже очень перспективно.

Принципиально важным «интеллектуальным изобретением» семинара было искусство и техники постановки вопросов. Любое обсуждение на семинарах Г. П. Щедровицкого строилось как ответы докладчика на вопросы участников семинара. Фактически умение и желание задавать вопросы было основным условием полноценного участия в семинаре. К сожалению, в 80-е годы прошлого века эта практика прекратилась, но я до сих пор помню тот опыт живого мышления, когда за один вечер небольшой компанией можно было разобраться со сложной междисциплинарной проблемой, задуматься над перспективами развития гуманитарного знания или обнаружить новое направление профессиональных разработок. На основе этого опыта в последние девять лет мы с В. Е. Карастелевым в Лаборатории интерактивного вопрошания разработали ряд техник работы с вопросами, которые показали свою эффективность как в образовании, так и в бизнесе. Думаю, что эту работу можно рассматривать как удачный прецедент анализа практик методологического коллективного мышления и разработки на этой основе техник, отвечающих на современные вызовы.

И наконец, по последовательности текстов можно восстановить опыт самопроблематизации, в которой жил Георгий Петрович и тащил с собой семинар. Семинар отчаянно сопротивлялся. Поколения семинара уходили, когда он отказывался от каких-то предыдущих схем, а Георгий Петрович двигался дальше. Это совершенно замечательная история, которую я ни у кого больше не встречала, — человек, который на протяжении 40 лет постоянно двигался в режиме самопроблематизации.

Виталий Дубровский, в школе с 1964 года

Сначала я бы хотел напомнить: Георгий Петрович неоднократно утверждал: «Мы прямые наследники Аристотеля. Между нами никого нет».

Зачем мне методология? Что я делаю с этим Учением, исходя из той деятельности, которой я занимаюсь? Я занимаюсь разработкой философии деятельности, необходимой составляющей которой, на мой взгляд, является методология. Я знаю, что такое представление не согласуется с часто цитируемым империалистическим представлением Георгия Петровича о методологии от 1991 года «как универсальной формы мышления, организованной в самостоятельную сферу мыследеятельности и рефлексивно, в том числе и исследовательски, охватывающей все другие формы и типы мышления». Зато мое представление согласуется с другим его, более ранним предложением времен деятельностного подхода — создать на основе идеи деятельности, цитирую, «новую метафизику как новую философию, как новую идеологию, как новую науку». Это 1970 год, заключительное слово на симпозиуме «Принцип деятельности и изучение деятельности».

Георгий Петрович подсказал мне, как разрешать подобное расхождение уже во время нашего знакомства, при первом посещении моем семинара ММК в Институте психологии АПН. Почувствовав во время нашей короткой беседы и после семинара, что я попался на крючок ученичества к нему, он тут же сформулировал цель: «Вам следует научиться мыслить самостоятельно и выработать свои собственные воззрения». Я оказался его единственным формальным аспирантом и мог узурпировать его время, когда с работы из Института технической эстетики он ездил домой. Несколько пересадок автобусом, метро. Он был моим ментором в каком-то смысле. Он руководил каждым шагом моего развития, за что я действительно должен быть вечно признателен.

Я понял, что достиг этой цели, когда в 1973 году во время одной из конференций он мне довольно резко сказал, что я больше не ученик. Думаю, это была реакция на то, что я был не согласен с рядом его представлений, например о системах, мыслекоммуникации, а в особенности с положением, что мышление не есть деятельность. С его, на мой взгляд, пагубным последствием типа концепции мыследеятельности. Прошу прощения. Безусловно, Георгий Петрович остается и всегда будет для меня образцом Методолога и Учителя.

Это заявление заставляет меня объясниться, в чем я следую методологическим взглядам Учителя с большой буквы, а в чем иду своим путем. Учитывая ограничения во времени, я обойдусь лишь одним примером — понятием системы. Одно замечание. Дело в том, что

в международном сообществе исследуются различного рода системы, но Георгий Петрович, на мой взгляд, был первым, кто поставил вопрос о понятии системы вообще. Об этом понятии я и буду говорить.

Я твердо убежден, что под руководством Георгия Петровича в ММК был разработан совершенно новый философский подход, основанный на идее деятельности и противопоставленный трем другим основным существующим подходам: натуралистическому, феноменологическому, теологическому, который Георгий Петрович называл экзистенциальным. Поэтому и я продолжаю быть ортодоксальным последователем этого деятельностного подхода и стараюсь по мере способности его развивать. Не мыследеятельности. Именно деятельностному подходу не соответствует ряд устоявшихся и до сих пор употребляемых в системомыследеятельностной методологии представлений и методов. Ярким примером могут служить натуралистическое представление, прощу прощения, предмета и объекта и соответствующий им метод конфигурирования, который находится в прямом противоречии с принципом множественного существования объектов в деятельности. Столь же натуралистическим является и понятие системы, введенное Георгием Петровичем в 1964 году, а именно как средство конфигурирования предполагаемого метода преодоления проблемы многопредметности в науке, которая тогда интенсивно обсуждалась, ради которой и произошло системное движение в начале в лице фон Берталанфи.

В то же время с деятельностной точки зрения понятие системы предназначено не для конфигурирования, а для преодоления логических затруднений, связанных со сложностью объектов мышления. Щедровицкий фактически различал три степени такой сложности — понятийную, категориальную и рефлексивную. Он ввел соответствующие три понятия системы. Понятийной сложности соответствовало то, что он называл первым понятием системы. Категориальной сложности — второе понятие системы. Рефлексивной сложности соответствовала матричная система деятельности над деятельностью.

Осуществляя деятельностный подход, мы можем представить само системное мышление как акт мыслительной деятельности, характеризуя его в терминах способа, метода, процедур и операций. Результаты разработок методом деятельностного аналога содержательно-генетического исследования позволяют суммировать способ системного мышления как сведение сложного объекта как единства, определяемое его действием, к его простым составляющим, определяемым их предположительно простыми действиями, которые ясны и с которыми можно легко разобраться, а затем возвратное выведение действия единства как интегрального совокупного действия

составляющих. Такое понимание согласуется со следующим положением Георгия Петровича 1975 года. Я имею в виду «Кирпич». Главная задача системного анализа — установление формальных соответствий между процессами в целостном объекте и процессами в его частях.

В связи со способом сведения-выведения следует упомянуть введенное Георгием Петровичем в 1964 году, цитирую, «исключительно важное и принципиальное различие организаций как систем, элементы которых объединяются отношениями, и структур как систем, элементы которых объединяются в связи».

Замечу, нигде, никем этого различия введено не было. Исходя из положения Георгия Петровича 1975 года, согласно которому онтологическая схема системы свертывает в себе процесс системного мышления, я рассматриваю различие организаций и структур не как различие двух различных типов систем, а как различие двух составляющих одной онтологической схемы систем. Системная организация — это составляющая, которая свертывает в себе процесс сведения, а системная структура свертывает в себе процесс выведения. В то время как способ сведения-выведения предположительно является общим для всех систем, напрашивается предположение о том, что разным степеням сложности должны соответствовать разные методы, а процедуры и операции должны быть различными для различных идеальных объектов одной и той же степени сложности.

Результаты разработок показывают в типе содержательной генетической логики, что системам понятийной сложности соответствует метод анализа синтеза, исторический первый образец которого содержит диалог Платона «Кратил». Системам категориальной сложности соответствует метод сведения многообразия мира к противопоставлению двух начал или категориальных принципов над общим категориальным основанием, а затем конкретизирующего развертывания этого противопоставления, в результате охватывающего все многообразие мира в этой категориальной плоскости, то есть плоскости основания. Образец этого метода содержится в «Метафизике» Аристотеля и ряде его других работ. Наконец, системам рефлексивной сложности соответствует метод рефлексивного выворачивания матрешек, который использовал Георгий Петрович в целом ряде публикаций.

Таким образом, я хочу отметить, что, хотя деятельностьное понятие системы основывается на целом ряде положений Георгия Петровича Щедровицкого, оно не имеет ничего общего с натуралистическим понятием системы, которое он ввел в сведенном им к структуре в 1964 году и до сих пор употребляемом в системно-мыслительной методологии. Прекращение Щедровицким разработки системодетельностного, а не системомыслительностного подхода

оставило его в достаточно незавершенном виде. Вместе с тем ряд участников ММК — Пископпель, Ракитянский, Лев Петрович Щедровицкий, — к которым примыкал и я, эту разработку не прекращали. При этом, сохранив основы деятельностного подхода, заложенные Георгием Петровичем, мы вынуждены были переосмыслить даже его основные принципы и значительно развернуть онтологию деятельности. Поскольку эта тема слишком объемна, я ограничусь здесь лишь этим упоминанием.

Таким образом, мой ответ на поставленный вопрос состоит в том, что методология мне не просто нужна, я занимаюсь разработкой методологии в контексте разработки философии деятельности.

Марк Рац, в школе с 1982 года

Первые полвека своей жизни я занимался тем, что делал науку, но в своей узкопрофессиональной области. Наукой занимался. И имел еще замечательное хобби в виде библиофильства. Мы познакомились с Георгием Петровичем в конце 1982 года. И полгода я входил в курс дела. Но перелом произошел именно на 24-й игре в Одессе, когда я понял, о чем идет речь, и принял для себя решение о смене образа жизни.

И я оставил свое успешное — это важно — профессиональное занятие: я уже был в то время завлабом, доктором и без пяти минут профессором. И хобби, тоже развивавшееся вполне успешно: я уже был одним из известных библиофилов в Советском Союзе. С этого момента моим главным делом стала работа в команде Георгия Петровича, методологическое ученичество и деятельностное переосвоение своего мира, включая ту самую науку и то самое коллекционирование, которыми я занимался. Переосвоение методологическими средствами.

Теперь я сказал бы, что методология нужна для работы в проблемных ситуациях. Ответ на вопрос, куда и как двигаться, оказавшись в проблемной ситуации, сменив работу руками на работу головой, — это очень нетривиальный вопрос, средство ответа на который я как раз и нашел в методологии в виде программной организации работы при ориентации на развитие.

На мой взгляд, если говорить коротко и грубо, никакой мыслекommunikации в общественно-политической сфере сегодняшнего мира нету. Есть разговоры, которые я бы назвал — мы это обсуждали с некоторыми специалистами по коммуникологии — общением, в отличие от коммуникации. Происходит массовое общение и в социальных сетях, и на уровне переговоров между главами государств. А мыслекommunikация если и возникает где-то, когда-то, то в исчезающе малых масштабах.

Мы принимаем картину мыследеятельности как общественно-политический идеал. Идеалы нереализуемы по понятию, но двигаться в этом направлении можно и нужно. Так устроена вся история человеческого рода. Для меня идея мыследеятельности есть такой глобальный идеал. Вопрос о мыслекоммуникации, естественно, центральный вопрос в ходе предполагаемой, желаемой или возможной реализации этого идеала.

Тут два полюса я бы выделил. Один полюс, связанный непосредственно с общением тех, кто уже различает общение и мыслекоммуникацию, с окружающим миром, с внешними позиционерами, которые с этими идеями незнакомы. Надо уметь организовать коммуникацию с людьми, которые не имеют ни малейшего представления о методологии. Второй полюс связан с глобальной исторической перспективой. Сегодняшний наш день находится на переходе не только к очередной промышленной революции, но еще и к смене онтологической картины с натуралистической на деятельностьную. Это рано или поздно произойдет. И тогда идея мыслекоммуникации станет расхожей. Должна стать расхожей, по крайней мере среди мыслящей публики. Но это очень длительный исторический процесс. А то, что мы можем делать сегодня, мы стараемся делать.

Вадим Розин, в школе с 1959 года

Я себя позиционирую обычно как философа-методолога исследовательской ориентации. Для меня методологическое мышление — это и есть мое мышление. Я таким образом себя осознаю, веду исследования. Кроме того, что я методолог, я себя считаю ученым. У меня есть соответствующие работы, связанные с исследованием культуры, техники и так далее. И все эти вещи я делаю в рамках того, как я понимаю методологию, как я ее осознаю и так далее.

Я один из первых учеников Георгия Петровича Щедровицкого. К методологии меня приобщил он. И примерно 15 лет я работал в рамках тех программ, которые Георгий Петрович задавал. Но с начала 1970-х годов я отошел от этих программ, попробовал наметить свои программы, которые мне казались более реалистичными. Они основываются на культурологии, семиотике и персонологии, как я понимаю эти дисциплины. И в этом смысле я, начиная с середины 1970-х годов, развиваю свой вариант методологии, который я назвал методологией с ограниченной ответственностью.

Теперь следующий вопрос. Что считать методологией? Это довольно сложная история. Если в двух словах и грубо, то я бы сказал,

что начиная с античности формируется мышление, формируется творчество, формируется наука, искусство и так далее. И все эти формы человеческой деятельности, активности и творчества осуществляются во многом на основе семиотических представлений и предполагают задействование личности в плане понимания того, что она делает, конструирования и так далее.

В связи с такой природой человеческого мышления, творчества, искусства с самого начала выясняется, что требуются своего рода навигатор, выбор, пространство и среда для такой активности. И вот это и есть методология.

На мой взгляд, методология складывается одновременно с формированием в античности мышления, науки, искусства и так далее. И дальше они идут рука об руку. Нужда в методологии возникает в проблемных ситуациях, в ситуациях, когда заходят в тупик сложившиеся и оправдавшие себя способы мышления, работы, получения знаний. Проблемные ситуации, но также и новые формы мышления. Достаточно вспомнить, например, Новое время. Работы Фрэнсиса Бэкона по сути методологические, способствующие формированию естествознания.

На мой взгляд, чем дальше, тем больше будет возрастать значение методологии. Все больше и больше требуются навигация, выбор, задание пространства и условий, как говорил Кант, мыслимости. И в этом смысле перспектива у методологии очень хорошая в том плане, что нужда в ней будет все больше возрастать.

На мой взгляд, методология Московского методологического кружка — это одно из направлений методологии, очень важное. Потому что оно выделило и обособило методологию, превратило в самостоятельную область философии. Я считаю, что методология — это все-таки раздел философии, как там ни говори.

Но помимо этого существуют и другие методологические школы и направления. И мне кажется, здесь очень важна кооперация. Я сам склонен развивать такое методологическое мышление, которое ориентировано на уникальные решения задач, на диалог с другими взглядами и направлениями в этих областях, на культурологическое и семиотическое обоснование.

Если говорить о методологии Московского методологического кружка, то я бы прежде всего обратил внимание на несколько идей. Первое, с точки зрения Георгия Петровича: методология есть учение о деятельности, мышлении имыследеятельности.

Второе. Мне кажется, что специфика этого направления во многом была связана с идеей методологического мышления. То есть переход от исследования мышления к развитию мышления способом методологического сообщества, рефлексия того, что при этом

получается, и распространение этих образцов мыслей, решения задач, рассуждений и так далее на различные области.

И третьей идеей я бы выделил идею ОДИ как вариант особой практики для развития методологии, которая другим концом повернута в социальность. Со всеми плюсами и минусами.

Вот эти три момента я бы считал специфичными для направления Георгия Петровича.

Теперь, когда я говорю о том, что методология — это раздел философии, это надо тоже правильно понять. Я здесь не отрицаю специфики методологии, как то, что методология специализируется на технологии мышления и деятельности. Причем, на мой взгляд, в контексте культуры, истории, общения.

А когда я говорю о связи методологии и философии, я говорю следующее: что это два полюса. Один полюс, который специализируется на онтологии, ценностях и прочем, а другой — именно на технологии мышления, деятельности и так далее. В широком контексте. И они не могут по отдельности развиваться. Они развиваются, только взаимообогащая и критикуя друг друга.

Вячеслав Марача, в школе с 1986 года

Методология Московского методологического кружка (ММК) — это моя личная история, которая в значительной степени определила мой образ жизни. Отвечая на вопрос, зачем мне методология ММК и что я делаю с этим Учением, выделю шесть основных моментов и один дополнительный сюжет.

Во-первых, методология дает мне мыслительные средства, методы в узком смысле этого слова, инструменты. Это схемы, модели и другие идеальные конструкции, которые можно применять прикладным образом в различных практиках. Например, в практиках стратегического планирования.

Второй пункт: практика методологии ММК — это опыт коммуникации в семинарах, организационно-деятельностных играх (ОДИ), методологических экспертизах и других подобных формах. С одной стороны, это просто очень ценный опыт, experience, общения с людьми, с которыми вне методологической практики вряд ли когда-либо удалось бы поговорить. С другой стороны, из рефлексии этого опыта извлекаются не только мыслительные инструменты, но и специфические инструменты коммуникативного управления, которые в узком смысле слова называются модерацией, но на самом деле коммуникативное управление шире, потому что если даже организуется какая-то дискуссия или круглый стол, семинар, то это не только

коммуникативная процедура. Это часто еще и «производство событий», иногда даже общественных событий.

Третий пункт: методология — это корпус методологических текстов, на которых можно учиться рефлексии, выявлению оснований, фундаментальных допущений, постановки проблем. В конечном счете тому, что в философском смысле слова называется методом.

Четвертый пункт: методология — это онтологическая позиция общей теории деятельности, а затем СМД-подхода. Они для меня связаны, хотя в то же время и различаются. Я с ними по ряду моментов спорю, но все равно это то, на чем я стою и от чего отталкиваюсь. Такая отправная точка не только в самой методологии, но и в практических ситуациях.

Для того чтобы определить пятый пункт, я не нашел лучшего термина, чем «жизние». Жизнь Георгия Петровича и старших товарищей как некий образец жизненной позиции и жизненного пути в непростых социальных обстоятельствах. И поэтому я извлекаю из методологии и такой «жизнестроительный» опыт.

Шестой и последний по порядку, но не по значимости: Московский методологический кружок как школа мысли и сообщество выступает основанием моей идентичности и самоопределения и в различных социальных практиках, и в международных коммуникациях, в которых мне часто приходится участвовать, в том числе демонстрировать что-то из вышеперечисленного. В этом смысле я себя определяю как продолжателя интеллектуальной традиции Московского методологического кружка.

Василий Богин, в школе с 1986 года, директор школы

Что мне дает методология — это значит, что педагогам, которые работают в Новой гуманитарной школе (и мне в их числе), детям и их родителям дает то, что сделали Георгий Петрович и его команда.

В методологии возникла новая парадигматика, новая онтология, онтология мышления, деятельности, понимания, рефлексии, наконец-то у нас появились схемы мышления, деятельности, понимания. И мы можем реально с этим работать и обучать детей не только анатомии, физике, но и мышлению, пониманию, рефлексии.

Сейчас уже говорят о том, что мы учим детей рефлексии, пониманию, мышлению, думать учим и так далее. Но дело в том, что до Георгия Петровича самого предмета, с которым можно работать, не существовало. Работать, я имею в виду в широком смысле, то есть развивать, изменять, исправлять, улучшать.

И только с появлением того, что возникло в результате работы методологического кружка, появилась сама возможность реально детей учить мышлению, пониманию и рефлексии. Потому что когда у тебя появилась схема мыследеятельности, есть возможность сказать: «Ты мыслишь вот так, это твое мышление». И эта онтологическая картинка мышления каждому ребенку вводится с младшей школы. Уже ребенок может при помощи этой картинки, накладывая на себя вот эту схему, понимать, как он мыслит и как он не мыслит.

Есть возможность уйти от вербализма, которым страшно страдает вся не только школа, но и, в общем-то, в какой-то степени весь мир. Причем говорить уже не на разных языках, потому что существуют разные языки, при помощи которых люди пытаются уйти от чистого вербализма, например: «Приведи пример, где эмпирика? примени это на практике», и так далее. Разрозненные языки теперь, где у тебя нижний пояс, и этого достаточно, чтобы заменить все эти разрозненные модели.

Теперь дети пользуются этим, потому что мы это вводим. Например, когда я буквально на днях принимал экзамен по литературе и ребенок, который рассказывает что-то, потом говорит: «Ой, я про нижний пояс-то совсем забыл, я только верхним работаю», и вот это дает возможность действительно детей учить настоящему мышлению и пониманию. Это первая часть.

Теперь вторая часть. Благодаря схеме мыследеятельности можно рисовать другие схемы, создавать с детьми мир, в котором они действуют, осуществляют чистое мышление, понимание и т. п. Например, то же понимание, как связывание разных поясов схемы, разные типы понимания: чтобы понять нижний пояс, надо выйти в верхний и в средний, чтобы понять средний пояс, надо выйти в верхний и в нижний — и это дети тоже постепенно осваивают.

Это помогает им, например, и писать, и произносить тексты, потому что у них уже возникает картина, как осуществляется понимание теми, кто их слушает или читает. Когда просто ребенку, у которого нет схемы мыследеятельности и нет всех ее составляющих, сказать: «Помни о читателе», он помнит про читателя. Что он помнит про читателя? Он помнит некоего теоретического туманного человека, который сидит над его текстом, или даже конкретного человека, который читает и говорит: «Я ничего не понимаю».

Или у него есть уже схема, в которой есть читатель, у которого есть нижний пояс, верхний пояс, рефлексия, и он, ребенок, когда пишет, понимает, что этого нижнего пояса, этой картины из нижнего пояса у читателя может не быть, а поэтому ее надо создать или поменять картину, которую он приводит в качестве примера. Или у того,

кто его читает, нет инструментария из верхнего пояса и так далее. Это возможность начать действовать совершенно по-другому.

Мне нравится популярная фраза: «Люди читающие всегда будут управлять людьми, которые смотрят телевизор». Я переиначу: люди, которые живут в схеме мыследеятельности, всегда будут умнее, чем те, которые в ней не живут.

Но я бы вводил и идеологическую третью часть. Собственно, что отличает людей от нелюдей? Это способность мыслить и понимать, сочувствовать, думать, идеология, идея. Это все позволяет делать система мыследеятельности. Методология, правда, здесь наряду с философией и с другими видами культуры.

Андрей Губанов, в школе с 1982 года

Для меня методология — прежде всего не инструмент или набор средств, а то, что в значительной степени сделало меня человеком и профессионалом. В этом смысле не я использую методологию, а она использует меня как своего агента. Вспоминается известное рассуждение В. Гумбольдта о языке, где он говорит, что не мы овладеваем языком, а язык овладевает нами. Так и методология овладела нами и сделала нас людьми. Методология — это очень важный опыт живого мышления, распредмечивания, самоопределения и самого образа жизни Г. П. Щедровицкого и других участников кружка.

Вместе с тем методология не может жить только в сердцах и умах некоторых адептов, она должна и развиваться, и применяться практически. Наша группа (А. Губанов, Т. Губанова, А. Нечипоренко) пыталась применять идеи и средства методологии в области педагогики к работе со школьниками и учителями, называя эту практику мыследеятельностью педагогикой.

Мы опирались прежде всего на ОДИ, модифицируя и адаптируя их к образованию. С нашей точки зрения, самое существенное, что требуется перенести из ОДИ в педагогику, — это создание ситуаций проблематизации и распредмечивания в ходе освоения основных учебных предметов. Отличительная особенность нашей практики в том, что мы занимались массовым образованием, обычными школами, встраивая в учебный процесс наши ОДИ-образные формы работы («игровые образовательные сессии») в качестве систематической части обучения.

Эта работа, конечно же, требовала соответствующей переработки содержания образования, а именно выявления и конструирования способов и техник мышления, понимания, действия, коммуникации. Полагаю, мы немного продвинулись вперед по сравнению с тем,

что описано в ранних методологических исследованиях (Н. Г. Алексеев в сборнике «Педагогика и логика»)*, и по объему материала, и по глубине проработки.

Пытаясь осмыслить наш почти тридцатилетний опыт «хождения в педагогику», мы приходим к двум основным вопросам. Во-первых, это масштаб применения нашей «технологии». Этот масштаб очень мал, он соответствует опытно-экспериментальной работе. Надо трезво понимать, что наша технология — «высокая технология», требующая высокой и специфической квалификации при ее применении. Остается ли в самом теле педагогической практики нечто, работающее без нашего постоянного участия и контроля? Тот же самый вопрос нужно задать и по отношению к другим «интеллектуалоемким» и энергоемким практикам, например к системе развивающего обучения (Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова).

Второй вопрос, который следует поставить, — это обратное влияние всей нашей практики на методологию. Нами накоплен колоссальный материал, связанный как раз с применением методологии к развитию практики. Этого материала и опыта у авторов «Педагогика и логика» не было. Есть ли обратное влияние всего этого опыта на методологию: на критику положений «Педагогика и логика», на критику схемы мыследеятельности и т. д.? В данном случае я понимаю критику не как отрицание, а как конкретизацию, уточнение, расширение, развитие исходных оснований и идей.

Последний вопрос до недавнего времени я себе не ставил, понимая себя как исключительно «прикладника». Вместе с тем кто-то и когда-то такой вопрос поставить должен, поскольку мы (не как узкая группа, а как поколение) уже имеем опыт реализации методологии на практике в серьезном масштабе.

Алексей Макин, в школе с 2004 года

Я из учения взял системный подход и собрал себе набор конструкций и понятий, которые использую в нескольких направлениях. Как управленец и предприниматель, я использую это ежедневно в своей работе: я развиваю и строю компанию, а в методологии есть ряд вещей, которые имеют мощное конкурентное преимущество. Я это

* Результаты нашей работы описаны в трех книгах общим объемом примерно 1200 страниц (Т. М. Губанова «Опыты мыследеятельностной педагогики», 1998 г., А. Ю. Губанов, Т. М. Губанова, А. В. Нечипоренко «Образовательный проект “Вертикаль”», 2008 г., А. А. Рывкин, А. Ю. Губанов, Т. М. Губанова «На пути к новой педагогике: учить видеть невидимое», 2023 г.).

использую в своей компании для подготовки новых поколений управленцев.

При этом я живу в этих схемах и понятиях сам.

Но еще я воспринимаю это учение, эту методологию как глубокий, точный, но сложный набор инструментов, которые очень мало кому доступны сейчас. И я, как вовлеченный в это все, считаю одной из своих задач сделать так, чтобы в итоге методология полноценно присутствовала на мировой «полке знаний» для управленцев.

Светлана Крайчинская, в школе с 1987 года

Для меня Учение — это сам Георгий Петрович и все то, во что он смог вовлечь и чем он смог увлечь других людей. И что делали и продолжают делать его ученики и ученики учеников в меру своего понимания и самоопределения. Сейчас это Учение — живое и живет в людях.

Собрание сочинений — это способ сохранить и продолжать Учение как процесс.

Знакомство с Учением не изменило мой мир — я была юной выпускницей университета, у меня не было сложившейся картины мира и системы взглядов, менять было нечего. Но благодаря Учению у меня появилась та картина мира, в которой я живу.

Учение дает ощущение ясности понимания мира — как мира мышления и деятельности людей. Мир становится объемным — за словами и действиями людей ты начинаешь видеть их основания, те формы мысли, которые ими движут, те понятия, которыми они пользуются. А еще мир становится интерактивным — ты начинаешь понимать, что тобою движет, как твои собственные мысли, слова, действия могут что-то изменять в этом мире, и в этом смысле ты можешь (рефлексивно) управлять собой.

На главной странице сайта Фонда имени Г. П. Щедровицкого есть цитата Георгия Петровича: «Методология — это не просто учение о методе и средствах мышления и деятельности, а форма организации всей жизнедеятельности людей...» В этом смысле я уверена, что человек — это человек деятельностный и мыследеятельностный. Поэтому важно, чтобы Учение продолжалось, давая возможность людям становиться людьми.

Что для этого нужно?

Учение продолжается через организованную живую коммуникацию. Опосредованно — с Георгием Петровичем, через его тексты. Фонд имени Г. П. Щедровицкого (fondgr.ru) проводит семинары и ежегодные Чтения памяти Георгия Петровича в день его рождения,

23 февраля. Темы Чтений — это ключевые темы методологии, к размышлениям на которые подключаются участники семинаров и все заинтересованные.

Учение продолжается через образовательные проекты, основанные на системомыследеятельностном подходе. Это проекты для школьников, студентов, управленцев, педагогов, специалистов в разных сферах деятельности. Проекты современного высшего образования и современного школьного образования, проекты Школы управления и корпоративного университета, проект «Ворлдскиллс» (подготовка к деятельности) и другие.

Учение продолжается через коллективы, группы, команды людей, объединенных общим делом и идеями, применяющих СМД-методологию. Георгий Петрович часто повторял: «Главное — чтобы была хорошая компашка». У нас есть такая команда — методологическая школа управления «Пестово». Мы работаем в разных сферах деятельности, занимаем разные позиции, относимся к разным поколениям — но при этом мы вместе обсуждаем, анализируем, проектируем, рефлектируем, и это и есть форма организации нашей жизнедеятельности вокруг Учения.

Андрей Реус, в школе с 1988 года

Зачем мне нужна методология? Что я с ней делаю? Когда я начинаю задумываться над этим, то сначала рисую для себя позиционную схему: в каких ипостасях я пребываю, употребляя все то, что связано с методологией. Я в этом смысле жертва СМД-методологии непосредственно. Первая, собственно, человеческая. Я же человек, надеюсь. И соответственно, у меня есть понятие человека.

И поскольку я для себя понятие человека построил, я пытаюсь, следуя принципам методологического подхода, выстраивать себя в соответствии с этим понятием. И в этом смысле для меня одно из употреблений — это возможность выстраивания себя в соответствии с тем понятием человека, которое я построил благодаря тому, что занимаюсь этим.

Я достаточно поздно появился в этом движении, в 1988 году. Я помню, что для меня это было полное изменение многих характеристик, которые я тогда имел. Так что для меня методология — это мое мировоззрение. Оно вот так сформировано, и я так вижу мир, и я так себя понимаю и осознаю через вот эту вещь.

Вторая ипостась. Я управленец. Когда-то работал достаточно много времени в государственных структурах. Занимаюсь бизнесом, участвую во многих направлениях деятельности:

биотехнологии, хайтек, девелопмент, еще несколько направлений. И мой управленческий инструментарий — это инструментарий СМД-методологии.

Я понимаю одну простую вещь: когда я работаю, например, с категорией «система», я ею работаю. То есть не даю советов, не обучаю никого. Я делаю это сам. Как управленец, я попадаю в десятки, в сотни разных ситуаций. Для меня важно в каждой ситуации найти ту форму, те инструменты, с помощью которых через эти ситуации можно пройти. И я их беру вот здесь.

Важно понимать — методологией за деньги заниматься нельзя. Можно заниматься управлением, образованием, можно делать разного рода проекты, выбирать разные сферы деятельности. Но методология сама по себе существует. И она обязательно свободна. Поскольку она всегда проблематизирует. Она не может быть услужливой. Так же как и философия. И когда я говорю о занятиях образовательной деятельностью, управленческой деятельностью, то методология — это нашлапка над этим всем, которая заставляет иногда целиком менять все это направление.

Следующая позиция — Образователь. Я последние 35 лет работаю в образовательной программе СМД-методологии. Мы работаем в этой картине мира и, соответственно, в этой программе, которая какую-то этапность проходит, которая привела нас к пониманию универсума образования со всеми моделями, которые обеспечивают движение по универсуму.

Последняя позиция — Хранитель. Что значит Хранитель? Это тот, кто имеет возможность рефлексировать деятельность, которая осуществляется с помощью этих средств.

Есть, соответственно, архив, который, слава богу, уже оцифрован. Сейчас задача, чтобы функциональность его расширить в облаке, частично выполнена уже, и мы ее дальше будем доделывать. А дальше будет следующая задача — использование искусственного интеллекта для того, чтобы он существовал вечно.

Если вы когда-нибудь придете в архив, есть место такое, где архив хранится как артефакт, то есть бумажный вариант, не тот, который в облаке, а тот, который хранится, там висит на входе таблица такая большая, формата А3: 32 темы, которые обозначил Георгий Петрович и которые дают взгляд на эти 5 тысяч папок, а скоро еще 500–600 добавятся.

Задача, которую мы сейчас начали обсуждать, очень сложная, по поводу искусственного интеллекта, в том плане, что это означает клонирование тех, кто работает, то есть попытка снять метод и продолжить его. Думаю, что в течение нескольких лет мы эту задачу решим.

И последний важный момент: работая в СМД-подходе, нужно постоянно осуществлять деятельность и мыследеятельность, которую необходимо рефлексировать. Постоянно ее осуществлять и рефлексировать, иметь соответствующие проекты в области управления, бизнеса, в области образования, а также в любой другой, в которой работают по этим 32 обозначенным темам (хотя если на них внимательно посмотреть, то сфера образования и управления охватывает большую часть этих тем). Надо все время осуществлять деятельность, которую нужно рефлексировать.

Мы начинаем публикацию Учения Г. П. Щедровицкого с книги «Я всегда был идеалистом». Она будет таким специальным «нулевым томом». Как бывают в школе нулевые, подготовительные классы — ровно в такой же функции. Знание о том, как жил Щедровицкий, вряд ли сильно облегчит понимание его текстов, но углубит точно. «Я всегда был идеалистом» — его собственное определение себя. Он на примере своей жизни показал, что идеалист — это не тот, кто асоциален, не от мира сего, а тот, кто в этом мире живет и движется благодаря идее и по направлению к ней.

Мне Георгий Петрович однажды сказал, что мы занимаемся мирной революцией. Это, говорил он, когда те, кто совершает революцию, ничего не могут сделать с теми, против кого эта революция, а те как раз могут с «революционерами» сделать все что угодно. Он хотел заново восстановить интеллигенцию в России, мыслящую и движимую идеями, способную работать для того, что будет через сто или двести лет. И одновременно работающую в этом мире, в этом социуме — практично и ответственно.

Уже заканчивая это предисловие, я открыл книгу из личной библиотеки Георгия Петровича: «Этика Фихте» Виндельбанда. И нашел цитату, которая очень хорошо поясняет, что такое идеализм, куда идут идеалисты и куда будем идти мы, когда начнем читать и понимать написанное Г. П. Щедровицким: «Фихте хотел построить этику философского идеализма; вслед за Платоном он решил прислушаться к прорицаниям философской музыки, не обращая внимания на обычные голоса тех, которые, вместе с быками и лошадьми, послушно бегут за наслаждением...» Хотя я, опираясь на представление о цикле жизни идей, которые начинаются как ересь, а умирают как предрассудок, назвал бы Георгия Петровича Щедровицкого скорее еретиком, чем идеалистом.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ МНОГОТОМНОГО ИЗДАНИЯ

Этой книгой мы открываем публикацию собрания сочинений Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994). Будучи философом, методологом и идеологом Московского методологического кружка, Щедровицкий заложил основы организационно-деятельностных игр, значительно обогатив философскую и методологическую практику.

Собрание сочинений Щедровицкого стало возможным благодаря событию, произошедшему в 2016 году, когда его личный архив был передан Фонду «Институт развития имени Г. П. Щедровицкого».

Публикация архивов известных мыслителей всегда носит особый, нередко драматический характер. Для лучшего понимания этого феномена приведем три иллюстративных примера.

Самый понятный — случай с немецким философом Мартином Хайдеггером (1889–1976). Он сам распisał по томам, что должно быть опубликовано после его смерти. Издательство «Клостерман» (Verlag Vittorio Klostermann) четко придерживается его завещания. Эти книги (всего запланировано 102 тома) издаются на разных языках в том составе, в котором определил сам автор.

Самый непонятный — это история публикации архива немецкого философа и критика политической экономии Карла Маркса (1818–1883). После его смерти все рукописи перешли не по наследству, а по договоренности к Фридриху Энгельсу — его другу и соратнику. А когда умер Энгельс, то все рукописи — и его, и Маркса — были официально переданы в распоряжение Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Когда в России к власти пришли большевики во главе с В. И. Лениным, обосновывающим свою власть учением К. Маркса, Ленин запросил Э. Бернштейна, тогда главу СДПГ, продать советскому правительству архив Маркса и Энгельса в оригиналах для публикации (до этого лишь несколько работ К. Маркса

как на немецком языке, так и в переводах были изданы небольшими тиражами). Бернштейн ответил резким отказом. Ленин предложил купить за золото уже даже не сам архив, а его фотокопии. Бернштейн согласился. Сейчас этот архив хранится в Москве в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Что там осталось от реального архива Маркса — неизвестно. Но на его основе было издано Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 50 томах (М. : Политиздат, 1955–1981). Начато в 1975 году в ГДР, а затем продолжено в ФРГ издание полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 100 томах на языке оригинала (Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA)).

Другой пример — это архив французского философа Мишеля Фуко (1926–1984), который в завещании написал, что запрещает после смерти публиковать любые свои тексты, кроме тех, которые были изданы при жизни. И наследники, и издатели это завещание Фуко проигнорировали.

Архив Щедровицкого напоминает судьбу архива Маркса. Способ формирования архива оставил отпечаток на содержании текстов. В 50-е годы все семинары и обсуждения стенографировались, а с 60-х — записывались на магнитофон. Эти записи были транскрибированы и напечатаны в пяти экземплярах, что было мотивировано двумя причинами: предоставлением КГБ доказательств о деятельности ММК и созданием собственной «библиотеки».

В 1992–1993 годах Щедровицкий лично пересмотрел и переупорядочил около 4000 папок с документами, уничтожив часть материалов. Это превратило набор текстов в архив, полностью соответствующий воле автора и доступный для публикации. Тематизация архива была выполнена самим Щедровицким и включала множество разделов, отражающих широкий спектр его интересов и исследований.

Никаких специальных разъяснений по структуре архива Г. П. Щедровицкий не оставил, также как распоряжений по его публикации. Первоначально папки были расставлены в его доме в Болшеве на полках, и эти полки были им «тематизированы».

Тематизация эта довольно условна и отражает лишь расстановку на полках (чтобы было легче пользоваться) (приводится дословно):

1. Диссертация; материалы диссертации; «Аристарх» и др. папки.
2. Педагогика и образование (РЗ, курс. работы).
3. Проектирование.
4. Теория дизайна.
5. Модели и моделирование.
6. Проблематизация.

7. Теория знаний.
8. Автоматизация.
9. Исследования спорта.
10. Искусственный интеллект.
11. Системные исследования.
12. Семиотика.
13. Лингвистика.
14. Языкознание.
15. АСУД.
16. Оргтехническая система.
17. Человек.
18. НИР.
19. Организация, руководство, управление.
20. Категории «естественного» и «искусственного».
21. Теория мышления.
22. Мыследеятельность.
23. Теория деятельности.
24. Методология.
25. Понимание.
26. Смысл и значение.
27. История философии.
28. [История] ММК.
29. Мировоззренческие основания.
30. Эвристика.
31. Совещания.
32. Материалы [прочие].

Г. А. Давыдова, вдова Щедровицкого, пронумеровала все папки, а Р. Максудов подготовил детальную опись архива в 1995 году, которая позже была опубликована на сайте Фонда им. Г. П. Щедровицкого. Весь архив доступен на сайте Фонда.

Составление собрания сочинений Георгия Петровича Щедровицкого представляло уникальную задачу. Щедровицкий не ориентировался на создание традиционных сочинений, таких как монографии или отдельные статьи. Вместо этого основной формой его работы в рамках Московского методологического кружка (ММК) были семинары, которые проводились в течение 40 лет. Эти мероприятия проходили в двух форматах: публичные — на семинарах Комиссии по психологии мышления и логике; закрытые — на квартире Щедровицкого или других участников кружка.

Большая часть текстов в архиве Щедровицкого была коммуникативной по своей природе, не предназначенной для публикации. Они отражали промежуточные результаты работ кружка и были

подвергнуты постоянному переосмыслению автором. Изучение архива показало огромное разнообразие материалов: наброски статей, доклады, записки, стенограммы лекций, материалы организационно-деятельностных игр, в общей сложности более 20 000 документов. Разобраться с этим массивом, структурировать его для публикации и сопроводить современным научным аппаратом было непростой задачей.

Особенностью работы ММК был ее коллективный характер. Материалы докладов и обсуждений на внутренних семинарах требовали особого внимания при редактировании. Идеи кружка рождались в процессе живой коммуникации, что делало воспроизведение контекста этих обсуждений сложной задачей. Опубликованные тексты представляли собой лишь вершину айсберга — основой были устные обсуждения на семинарах. В архиве Щедровицкого сохранились его записки, где он членит свою историю и историю ММК на периоды или идеи, приводя развернутые схемы своей работы. Эти записки стали ценным источником для составителей.

Сложность задачи заключалась еще и в том, чтобы редуцировать обширный материал архива до удобного для чтения формата. Составители стремились представить наследие Щедровицкого не как внутреннюю «библиотеку» ММК, а как тексты, доступные широкой аудитории.

Среди возможных решений рассматривалось создание полного академического собрания сочинений, включающего все опубликованные и архивные материалы, но это, скорее, дело будущих поколений.

Другой вариант — тематическая публикация; однако выделение конкретных тем и прослеживание их в архиве представляет огромную сложность и отдельную задачу, просто непосильную в настоящее время, — возможно, в будущем это можно будет сделать средствами искусственного интеллекта и гипертекстовых систем.

И есть, наконец, предложенная П. Г. Щедровицким идея членения текстов Г. П. Щедровицкого по представленной последним в докладах «Проблемы построения теории мышления» схеме «методологической рефлексии». Однако даже эта схема не позволяет организовать материалы наследия в физические книги.

Исходя из нынешней ситуации с исследованием и систематизацией архива Г. П. Щедровицкого (которые только начались) и возможностей издательского производства составители в качестве средства исходного членения материала наследия Г. П. Щедровицкого выбрали идею «подхода» как «предметно-продуктовой ориентации», по выражению Г. П. Щедровицкого.

Методология Г. П. Щедровицкого сосредоточивается не на одном методе, а на целом спектре подходов для решения исторически осмысленных задач. Его методология представляет собой мозаику различных подходов, охватывающих широкий спектр интеллектуальных и практических задач. Таким образом, для полного представления его идей требуется серия книг, каждая из которых освещает разные аспекты способов мышления.

Каждый том, фокусируясь на определенном аспекте методологии Г. П. Щедровицкого, предоставляет читателям возможность поэтапно изучать и применять его идеи. Разные тома могут также осветить исторический и интеллектуальный контекст, в котором развивались идеи автора. Это позволяет лучше понять, как конструировались его мысли и как они взаимодействовали с другими теориями и практиками того времени.

Итак, издание сочинений Г. П. Щедровицкого в 10 томах на основе разных подходов дает читателям возможность погрузиться в многомерный мир его идей и исследовать разные аспекты его мышления. Такое разделение отражает динамичность и комплексность его методологии, делая наследие более доступным для исследователей и заинтересованных читателей. Эта задача только начинается и обещает открыть неведомые грани мысли одного из самых влиятельных философов XX века.

Наш план — выпустить 10–12 томов, объединенных в 25–30 книг. Каждая книга будет носить свое название, сопровождаемое аннотацией и проспектом уже опубликованных и готовящихся к публикации работ. В эти тома войдут как уже известные материалы, так и ранее не опубликованные находки из архива. Вот предварительный список томов, которые мы планируем выпустить (названия условные):

1. Системомыследеятельностная методология: основные принципы и подходы.
2. Теоретико-мыслительный подход (теория мышления).
3. Теоретико-деятельностный подход (теория деятельности).
4. Семиотический подход.
5. Коммуникационный подход.
6. Оргтехнический подход.
7. Системомыследеятельностный подход.
8. Организационно-деятельностный подход.
9. Культуротехнический подход.
10. Историко-культурный подход.

Все книги будут снабжены современным научным аппаратом: комментариями, историческими и библиографическими справками,

аннотированным указателем имен и подробным предметным указателем.

В текущее собрание сочинений не войдут материалы организационно-деятельностных игр под руководством Щедровицкого, однако мы не исключаем возможности их отдельной публикации в будущем. Также пока ограниченно включаем полные материалы докладов и внутренних обсуждений на семинарах ММК.

Эта книга представляет собой введение в мир системомыслительностной методологии Щедровицкого, предлагая читателю основные принципы и подходы. Мы стремились сохранить баланс между текстами, адресованными как широкой публике, так и участникам внутренних семинаров ММК, чтобы каждый смог найти что-то ценное для себя в этом уникальном наследии.

Благодарности

В заключение хотим выразить свою благодарность Андрею Георгиевичу Реусу — вдохновителю и спонсору этого издания, Светлане Брониславовне Крайчинской и Софии Андреевне Малявиной за организационную поддержку, а также Николаю Фёдоровичу Андрейченко, Василию Георгиевичу Богину, Вере Леонидовне Даниловой, Виталию Яковлевичу Дубровскому, Марку Владимировичу Рацу, Вадиму Марковичу Розину, Петру Георгиевичу Щедровицкому за их консультации и искреннюю заинтересованность в проекте.

Г. А. Давыдова, А. В. Русаков